

Малика СОЛИЕВА,

Доцент, Национального Университета Узбекистана, к.ф.н

E-mail: m.solieva@nuu.uz

Рецензия профессора НУУЗ, д.ф.н И.Сиддикова

SOME PHONETIC PHENOMENA OF WORDS IN ENGLISH AND UZBEK LANGUAGES

Annotation

The article discusses phonetic phenomena that occur in the last position of words in English and Uzbek. Particular attention is paid to phonetic processes that affect intonation and rhythm of speech, as well as stylistic aspects related to the use of words. The article is intended for linguists, teachers and anyone interested in the nuances of phonetics and phonology.

Key words: Phonology, phonetics, phoneme, word stress, intonation, aspiration, prosody.

НЕКОТОРЫЕ ФОНЕТИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ СЛОВ В АНГЛИЙСКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация

В статье рассматриваются фонетические явления, которые наблюдаются на последней позиции слов в английском и узбекском языках. Особое внимание уделяется фонетическим процессам, влияющим на интонацию и ритм речи, а также на стилистические аспекты, связанные с употреблением слов. Статья предназначена для лингвистов, преподавателей и всех заинтересованных в нюансах фонетики и фонологии.

Ключевые слова: Фонология, фонетика, фонема, ударение, интонация, аспирация, просодика.

INGLIZ VA O'ZBEK TILLARIDAGI SO'ZLARING BA'ZI FONETIK HODISALARI

Annotatsiya

Maqolada ingliz va o'zbek tillarida so'zlarning oxirgi pozitsiyasida yuzaga keladigan fonetik hodisalar ko'rib chiqiladi. Nutqning intonatsiyasi va ritmiga, shuningdek so'zlarni ishlatish bilan bog'liq uslubiy jihatlarga ta'sir qiluvchi fonetik jarayonlarga alohida e'tibor beriladi. Maqola tilshunoslari, o'qituvchilari va fonetika va fonologiyaning nuanslariga qiziqqan har bir kishi uchun mo'ljallangan.

Kalit so'zlar: Fonologiya, fonetika, fonema, so'z urg'usi, intonatsiya, aspiratsiya, prosodiya.

Введение. Исследование слоговых акцентов и их особенностей в разных языках стало важной темой в лингвистике, особенно после того, как С.Д.Кацнельсон предложил метод анализа, который оказался плодотворным для германских языков. Этот подход открыл новые горизонты в понимании акцентуации и фонологии, и его результаты стали основой для дальнейших исследований в других языковых семьях, включая тюркские языки, к которым относится узбекский.

Важным аспектом акцентуации является связь между ударением и долготой гласных. Это явление достаточно хорошо изучено, и его связь с ударением не вызывает сомнений. Однако более сложным остается вопрос о том, как различные признаки согласных, такие как аспирация, фарингальность, соноризация и глоттализованность, соотносятся с ударением.

Результаты исследования. Некоторые лингвисты выдвигают гипотезу о том, что ларингальный /h/ может переходить из сегментного уровня в суперсегментный, становясь признаком тона. Это утверждение, однако, вызывает споры и требует дополнительных исследований. А.С. Либман, в частности, утверждает, что преаспирация не является различительным признаком гласных или согласных в ирландском языке. Это связано с тем, что преаспирация всегда предшествует согласному, который несет на себе вершину длительности и связан с рельефом слога. Таким образом, преаспирация воспринимается как динамическое усиление придыхания[9].

В узбекском языке, где фонема /h/ часто встречается в заимствованиях из арабского и персидского (например, «baho» – цена, «behi» – груша, «havo» – воздух), ее произношение имеет некоторые вариации. Звук /h/ обычно встречается в начале и середине слова, но редко — в конце. Его фарингальный характер (образование звука в области глотки) подчеркивает его отличие от, например, английского или немецкого /h/, которые имеют более переднее место образования.

Интересно рассмотреть вопрос о статусе аспирации в отношении других согласных. Существует мнение, что аспирация является модификатором фонем /p/, /t/, /k/, и /q/. Однако, в отношении /q/, которое характеризуется сжато-гортанной артикуляцией (почти глоттализацией – резким сужением голосовой щели), наличие классической аспирации представляется сомнительным. Аспирация у /q/ скорее всего проявляется в виде короткого, менее интенсивного придыхания, отличного от аспирации при произношении /p/, /t/, или /k/.

Обзор литературы. Г.С. Клычков предложил просодическую оппозицию сомкнутый-разомкнутый слог, которая была экспериментально доказана. Это означает, что в зависимости от того, как организованы слоги, может изменяться их звучание и акцентуация [7].

В.В. Иванов также отмечал, что одним из способов образования ларингализованного тона в различных языках является развитие его из сочетаний гласных с конечным согласным. В частности, этот конечный согласный в абсолютном исходе слова может превращаться в гортанный смычку, что является характерным для многих языков [4].

Факты типологии изменения согласных подтверждают, что различные смычные ротовые звуки, такие как /p/, /t/, /k/, могут изменяться, особенно в конечной позиции слова, превращаясь в гортанный смычку /ʔ/. Это явление наблюдается в различных языках и подчеркивает важность фонетических изменений в процессе эволюции языков. Например, в некоторых тюркских языках, включая узбекский, это изменение может быть связано с историческими процессами, которые влияли на фонетическую структуру языка [11].

В узбекском же языке глоттальная смычка выполняет скорее просодическую функцию, влияя на ритмико-интонационную структуру слова. Ее появление связано с фонотактическими ограничениями узбекского языка, где она часто встречается перед сонорными согласными /l/ и /n/, как в

примерах “tal’at” (закат) и “ma’naviyat” (духовность), усиливая или удлиняя предшествующий гласный.

Более того, распространение глотальной смычки не ограничивается заимствованиями из арабского языка. Она наблюдается и в исконно узбекских словах, хотя и реже, что указывает на ее интеграцию в фонологическую систему языка.

Нужно отметить, в современном английском языке глоттальная смычка включается одновременно в число сегментных и суперсегментных средств, особенно в американском варианте английского языка. Глоттальная смычка выступает аллофоном фонем /p, t, k/ в североанглийских диалектах, а также в диалектах кокни и Лондона, и она не чужда литературной южноанглийской речи[3].

Дж. О’Коннор, в своих исследованиях, отмечает наличие глоттализации аффрикаты /tʃ/ в английских словах, таких как «watch, watched, watching», представляя ее как /wɒʔtʃ/, /wɒʔtʃt/, /wɒʔtʃɪ/. Это указывает на то, что в определенных фонетических контекстах, английский язык использует глоточную смычку — кратковременное смыкание голосовых связок — не как самостоятельный фонетический сегмент, а как сопутствующий элемент, модифицирующий артикуляцию соседних звуков. Интересно, что О’Коннор не ограничивается описанием этого явления, а предлагает анализ функций глотальной смычки, выходящий за рамки простого описания.

Экспериментальные исследования, на которые ссылается О’Коннор, выделяют несколько ключевых функций глотальной смычки:

1. Делимитативная функция (маркировка границ слога) проявляется когда глоттальная смычка служит сигналом, разделяющим слоги, особенно когда следующий слог начинается с гласного звука. Пример, приведенный О’Коннором, — «re’action», где глоттальная смычка четко отделяет первый слог от второго. 2. Функция замещения в некоторых случаях когда глоттальная смычка фактически заменяет глухие смычные согласные /p, t, k/, а также /tʃ/. О’Коннор приводит примеры “butter” (/bʌʔə/), “catch” (/kæʔtʃ/), “bookcase”. Это указывает на то, что глоттальная смычка может выступать как своего рода “редукция” согласных, особенно в безударных слогах или в быстрой речи. Механизм такой замены, вероятно, связан с ослаблением артикуляции в менее важных фонологически позициях, при этом сохраняется различие между словами. Например, противопоставление «butter» и «better» могло бы быть затруднено без глотальной смычки, особенно при нечеткой артикуляции.

3. Эмфатическая функция (фоностилистическая) указывает на тесную связь фонологии с просодией и стилистикой речи. О’Коннор подчеркивает использование глотальной смычки для эмфатического выделения слов. Пример: «It’s awfully nice». Здесь глоттальная смычка не является обязательной частью произношения, а служит для стилистического выделения слова, придавая ему дополнительный эмоциональный окрас или подчеркивая важность в контексте предложения.

Сингармонизм, хоть и частично сохранился в некоторых словах узбекского языка, но не является частым явлением в литературном языке, в отличие от некоторых его диалектов и других тюркских языков. Его сохранение в определенных словах указывает на сложную историю развития языка и сохранение архаичных черт. Четыре функции сингармонизма — конститутивная (формирование слова), дистинктивная (различение слов), делимитативная (обозначение морфемных границ) и рекогнитивная (узнавание слова) — подчеркивают его важную роль в структуре узбекского языка [12].

Методология исследования. Новейшие подходы к изучению сингармонизма предлагают интегративный взгляд, объединяющий сегментные и суперсегментные аспекты. В рамках этих подходов появились новые термины, призванные описать разнообразные проявления феномена. Так, термин «сингармофонема» обозначает фонему, участвующую в

сингармоническом процессе и способную варьироваться в зависимости от контекста. «Сингармозвукотип» описывает группы звуков, обладающих схожими свойствами и подверженных одинаковому сингармоническим изменениям. Наконец, «сингармовариант» обозначает конкретную реализацию фонемы, обусловленную сингармонизмом.

Дж. Лайонз, один из пионеров в изучении сингармонизма, дал исчерпывающее описание этого явления, рассматривая его с трёх основных позиций: фонематической, просодической и морфофонематической[18].

Фонематический уровень описывает изменения на уровне отдельных фонем. Просодический подход фокусируется на суперсегментных чертах, таких как тон, ударение, интонация, влияющих на сингармонические процессы. Морфофонематический аспект раскрывает зависимость сингармонических изменений от морфологической структуры слова и его морфем. Сочетание этих трёх перспектив дает наиболее полное представление о механизмах сингармонизма.

Анализ и результаты. Некоторые лингвисты рассматривают сингармонизм как разновидность умлаута — фонетического изменения гласного звука под влиянием последующего гласного в соседнем слоге. Однако, в отличие от умлаута, сингармонизм в тюркских языках охватывает не только соседние слоги, но и более отдаленные части слова, включая аффиксы, и обладает большей систематичностью. В этом смысле сингармонизм выступает как мощный морфофонематический процесс, формирующий целостность слова и играющий важнейшую роль в морфологии тюркских языков. Его влияние на словообразование и словоизменение огромно, поскольку он напрямую участвует в создании правильных словоформ. Например, изменение гласного в корне слова «qol» (рука) в узбекском языке, в зависимости от последующих аффиксов, демонстрирует эту закономерность: qol (рука), qoli (его/ее рука), qollar (руки), qollari (их руки). Подобная согласованность наблюдается во множестве тюркских языков, но с вариациями в зависимости от конкретного языка и его диалектов.

В более поздний период, когда тюркские языки приобрели агглютинативный характер и аффиксы вполне грамматикализовались, силовое ударение переместилось на последний слог слова [1]. В тюркских языках сингармонизм берет себе те функции, которые выполняет словесное ударение [5].

Стоит отметить, что сингармонизм не является универсальным явлением. Он характерен преимущественно для тюркских языков, хотя встречаются аналогичные процессы и в других языковых семьях, например, в некоторых финно-угорских языках [1]. Отсутствие сингармонизма в английском языке обусловлено совершенно иной фонологической и морфологической структурой. Вопрос о роли ударения в английском и узбекском языках, а также о его взаимосвязи с морфологией и интонацией, заслуживает более глубокого рассмотрения. Мнение о том, что изменение места словесного ударения (главного) служит дополнительным средством различения слов, безусловно, верно [14]. Это особенно заметно на примерах слов-паронимов, где смещение ударения принципиально меняет лексическое значение. Например, в английском языке слова “record” (записывать) и “record” (запись) различаются именно позицией ударения: на первом слоге в первом случае и на втором — во втором. Аналогичные примеры можно найти и в узбекском языке, хотя система ударения в нём менее строгая и в большей степени зависит от контекста. Однако, нельзя ограничивать роль словесного ударения только морфологической функцией. В узбекском языке система фразового ударения, хотя и имеет свои особенности, также выполняет аналогичные функции, хотя её исследование пока не столь глубоко, как в английском. Менее строгая система словесного ударения в узбекском языке, возможно, обусловлена влиянием других факторов, таких как ритмика речи и структура слога. С точки зрения американского лингвиста А.Ф.Себерга, ударение в узбекском языке является “фонемным на уровне слова и в длинных высказываниях (т.е.

место различных ударений может быть важным для смысла)» [17] главное ударение падает на последний слог неглагольных слов и фраз, за исключением заимствований из арабского и персидского языков, а также некоторых союзов и наречий. Напр., *lekin*, *hamma*, *bozor*, *hatto*. Ударение в узбекском языке – сложная система, включающая не только главное, но и второстепенное, третьестепенное и слабое ударения. Эта система, детально описанная, хотя и не без спорных моментов, А.Ф. Себергом, опирается на принципы дистрибутивной фонологии, но нуждается в уточнении с использованием современных фонологических моделей, таких как порождающая фонология. Главное ударение в узбекском языке, как правило, свободно и может падать на любой слог заимствованных слов, географических названий и т.д. В сложных словах оно чаще всего ложится на первый или второй компонент: *“kōm-kōk”* (голубой), *“sopra-soğ”* (холодный), *“ota-ona”* (родители), *“tōğridan-tōğri”* (прямо), *“kasalxona”* (больница), *“olip-sotar”* (купля-продажа). Однако, важно отметить, что эта закономерность не является абсолютной, и существуют исключения, обусловленные как этимологией, так и современными языковыми тенденциями.

Заключение и рекомендации. Наши исследования показали, что в изучаемых языках существует примерно четыре степени ударения, а безударный слог считается пятой степенью. Эти степени ударения помогают структурировать и цементировать слоги внутри слова, создавая тем самым ясную и четкую фонетическую картину. Сложные слова в

агглютинативных языках, как правило, имеют четкие границы между морфемами, и ударение помогает выделить эти границы, что облегчает восприятие информации. Таким образом, различия в словесном ударении между германскими и тюркскими языками не только подчеркивают уникальные фонетические особенности каждого языка, но и отражают более глубокие грамматические структуры, которые влияют на то, как носители этих языков воспринимают и производят речь. Это делает изучение ударения важным аспектом для изучающих языки, так как понимание ударных схем может значительно улучшить навыки общения и восприятия.

Исследование фонологической структуры узбекского слова в сравнительно-типологическом плане (то есть сопоставление с другими языками) позволяет выявить как общие черты, так и уникальные особенности. Анализ просодических (связанных с ритмом и интонацией) и фонотактических (связанных с разрешенными сочетаниями звуков) структур дает глубокое понимание механизмов функционирования языка. Например, изучение влияния слогового акцента на современную фонологическую структуру узбекского языка позволяет установить закономерности изменений в системе языка и спрогнозировать возможные дальнейшие изменения. Такое исследование имеет не только теоретическое значение, позволяя углубить понимание эволюции языков, но и огромное методико-прикладное значение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баскаков Н.А. Историко-типологическая фонология тюркских языков. – М., 1988. – С.185.
2. Гулямов А.Г. Об удвоении звуков при аффиксации в узбекском языке // Ученые записки ТГПИИЯ. Вып. III. – Ташкент, 1963. С. 82-94;
3. Gimson A.S. An introduction to the pronunciation of English. 2-nd edition. - Edward Arnold 1972. – С.222-236;
4. Иванов Вяч.Вс. К синхронной и диахронической типологии просодических систем с ларингализованными или фарингализованными фонемами // Очерки по фонологии восточных языков. – М., 1975. – С.78
5. Касевич В.Б. Фонология в типологическом и сопоставительном изучении языков// Методы сопоставительного изучения языков. – М., Наука, 1988. – С. 54.
6. Кацнельсон С.Д. Очерк типологии германских просодических систем // Исследования в области сравнительной акцентологии индоевропейских языков. – Л.: Наука, 1979. – С. 213.
7. Клычков Г.С. К типологии фонологических систем (исландский консонантизм и скандинавские тоны) // Структурно-типологическое описание современных германских языков. – М.: Наука, 1966. – С., 308-310
8. Кодзасов С.В., Кривнова О.В. Современная американская фонология. – М.: МГУ, 1981. – С.162
9. Либрман А.С. Исландская просодика. К фонологической характеристике современного исландского языка и его истории. – Л., 1971. – С. 60.
10. Плоткин В.Я. Эволюция фонологических систем (на материале германских языков). – М., 1982. – С. 30.
11. Поливанов Е.Д. Субъективный характер восприятий звуков языка // Статьи по общему языкознанию. – М.: Наука, 1968. – С.26.
12. Реформатский А.А. Иерархия фонологических единиц и явление сингармонизма // Исследования по фонологии. – М., 1966, 6. – С. 198
13. Телегин Л.А. Морфофонологическое использование английского словесного ударения. – Самарканд, 1976. – С.8.
14. Трофимов М.И. Проблемы тюркского ударения, аномалии и геминаты (на материале уйгурского, узбекского и других тюркских языков) // Тюркология. – М., 1983. – №2. – С. 65-76.
15. Lyons G. Natural language and Universal Grammar. Essays in linguistic theory. Vol.I. – Cambridge Univ.Press, 1991. – P. 100.
16. Sjoberg Andrië F. Uzbek Structural Grammar. Uralic and Altaic series 18. – The Hague: Indiana Univ/Bloomington, Mouton and Co., 1963. – P. 23-36.